

Двенадцать лет назад

Гермиона пришла домой и застала Драко растянувшимся на мягкой софе аки кот. Живоглот в свою очередь развалился на залитом солнцем подоконнике за его спиной. В руках у её мужа была небольшая книжица в мягком переплёте с синей обложкой.

— Что читаешь?

— Привет, — он улыбнулся, не отрывая глаз от раскрытой на середине книги. — Твоя мать разобрала чулан в твоей старой квартире перед тем, как выставить её на продажу, и прислала несколько коробок со всяким барахлом. Никогда бы не подумал, что ты способна оставить книгу.

Гермиона, наконец, вспомнила эту обложку.

— «Чайка по имени Джонатан Ливингстон»?

— Я сперва подумал, что тут должны быть ноты, судя по фамилии на обложке, но, к моему удивлению, это оказалась книга.

Гермиона фыркнула и снисходительно улыбнулась:

— Это не тот Бах, там даже имена разные.

— Но ещё больше меня удивили заметки на полях и подчёркнутые строчки...

Казалось невероятным, но взрослая замужняя Гермиона Малфой, которая уже два года занимала пост министра магии волшебной Британии, всё ещё умела краснеть и стесняться.

— Я позволяла себе подобное только с «карманными» изданиями и только маггловским карандашом! При желании его можно стереть.

Драко позабавила её реакция даже сильнее, чем он ожидал.

— Вот послушай: «Чем выше летает чайка — тем дальше она видит». Что-то определённо в этом есть. Или вот ещё:

«Ты можешь знать всё что угодно, но пока ты не доказал это на практике, ты не знаешь ничего!»

— По-моему, очень в духе Грейнджер и её отношений с квиддичем.

Гермиона подошла ближе, села с ним рядом и, сбросив туфли, зарылась ногами в мягкий ковёр. Но Драко всё не унимался, листая страницы и выискивая старые пометки:

— «Каждая птица имеет право летать, свобода есть сущность каждого, и потому всё, что её ограничивает, должно быть отмечено прочь, будь то традиция, суеверие или любое другое ограничение в какой угодно форме».

— «Почему самое трудное на свете дело — убедить свободного в том, что он свободен и что он вполне способен сам себе это доказать, стоит лишь потратить немного времени на тренировку?», — продолжила цитировать Гермиона даже не пытаясь заглянуть в книгу, а оперевшись на спинку софы и закрыв глаза. — «Не верь глазам своим. Ибо глазам видны лишь ограничивающие нашу свободу оковы. Чтобы рассмотреть главное, нужно пользоваться пониманием. Ты всё знаешь, необходимо только понять это. И тогда сразу станет ясно, как летать». Я читала эту книгу на втором году обучения в академии.

— Я думал, в академии ты читала «Историю О».

Чуть повернув к нему голову, Гермиона открыла глаза и сузила их до маленьких щёлочек.

— Ладно, я пошутил, — у Драко было отличное настроение в этот день, и он шутливо поднял руки вверх, показывая, что не намерен спорить. — Невероятно, что маггловская литература настолько подходит под описание вековых проблем волшебного мира.

— В этом истинная ценность искусства, Драко. Оно применимо ко всему и оттого вечно. Трудовые договоры для эльфов Мэнора уже готовы. Ты действительно позволишь мне это сделать?

— Они де-факто уже свободны, мы лишь закрепим это документально.

И она действительно его поцеловала. Не страстно или сексуально, а по-настоящему трепетно. С благодарностью и любовью.

* * *

— Я ненавижу просить об этом, но ты мог бы договориться с Андромедой насчёт интервью со мной и Тедди для «Ведьмополитена»?

— После всего, что ты сделала для оборотней, уверен, они будут только рады немного поулыбаться и попозировать. — Гарри взглянул на подругу поверх очков, чем-то неуловимо напоминая ей Дамблдора.

— Просто ненавижу всё это: фальшивые улыбки на колдокамеру, пустая болтовня, глупые вопросы...

— Как и я, — Гарри тепло улыбнулся и подошёл ближе. — Общественность жаждет подробностей о твоей личной жизни, чтобы умиляться и чувствовать свою причастность.

Гермиона скептически подняла бровь.

— Ладно, иногда — чтобы злорадствовать и чувствовать себя немного лучше на фоне чужих проблем.

— В это мне проще поверить. — Гермиона тоже улыбалась в ответ.

Она заклинанием увеличила небольшое дамское зеркальце и хотела приступить к укладке причёски, но Гарри положил руку ей на плечо, взглянув на неё в отражении:

— Не надо, время ещё есть, я соскучился по твоим таким волосам.

В кабинете главы Аврората Гарри Поттера Гермиона всегда чувствовала себя спокойно и в безопасности. Во всём Лондоне не было места защищённее. А когда они оба были внутри, наложив несколько дополнительных защитных заклинаний на стены и двери, министр Малфой была полностью уверена, что никто нежелательный ни за что сюда не проникнет.

— Тебя действительно так огорчает необходимость давать интервью в «Ведьмополитен»?

— Нет, не только это. Я вынуждена также пообщаться с неким Хейзелем Скитером на радио в прямом эфире.

— Он какой-то родственник Риты?

— Кажется, её брат, я не копала глубоко.

— Ты должна очень аккуратно отвечать на его вопросы, Джинни говорит, что он тот ещё мудака. Он брал интервью у Оливера Вуда и вместо того, чтобы говорить о квиддиче, всё норовил порыться в его грязном белье.

— Ну, фамилия обязывает, — улыбнулась Гермиона.

— Иногда приходится смириться с фамилией и идти дальше.

— Прошу, не начинай снова. Почти пятнадцать лет прошло.

— Я даже не знаю, во что мне сложнее верить день ото дня: в то, что ты вышла за него замуж, или в то, что вы продержались так долго.

— И всё ещё держимся, Гарри. Всё ещё.

* * *

— Некоммерческая организация «Нимфадора» основана мной почти пятнадцать лет назад и занимается по большей части благотворительностью. У нас есть программы помощи оборотням, стипендии детям-сиротам (как из магических родов, так и магглорождённым). Большая часть средств идёт на помощь домовым эльфам...

— Что интересно, мистер Малфой, — Эббигейл Бэгшот сидела в его кабинете в деловом бежевом костюме и классических ботинках от Stella McCartney, старательно делая пометки прытко-пишущим пером в небольшом блокноте, — всем известно, что до того, как стать министром магии, Гермиона Малфой неоднократно заявляла, что освобождение домовиков на законодательном уровне — это первоочередная её цель. Тем не менее к концу подходит второй её срок, а единственным учреждением, где над этим вопросом усердно работают, остаётся лишь ваш фонд.

Драко намеренно задержал взгляд на стройных ножках молодой писательницы, плотоядно улыбнулся и абсолютно спокойно принялся объяснять:

— Вы правы, Эббигейл. Несмотря на проделанную работу по пропаганде освобождения домовых эльфов, магическое общество всё ещё не готово пойти на это в обязательном порядке. Но нами с госпожой министром было сделано небольшое открытие о человеческой природе.

— И в чём же это открытие заключается?

— Порой важнее результат, а не средства его достижения. Взять хотя бы вашу обувь.

Эббигейл непонимающе уставилась на собственные ноги.

— А что с ней?

— Это ведь маггловский бренд, который в рамках Статута о Секретности выпускает небольшую зачарованную серию для волшебниц Британии, верно?

— Ну да, но что в этом такого?

Драко снисходительно улыбнулся, но улыбка его не коснулась серых серьёзных глаз. Он продолжил, разговаривая с ней словно с маленькой глупой девочкой:

— Мало кто, особенно столь очаровательные юные особы, помнит, что ещё каких-то семнадцать лет назад большинство магов носили исключительно магическую, консервативную, но зачарованную обувь. И так случилось, что именно благодаря Гермионе, тогда ещё Грейнджер, всё изменилось настолько, что теперь большинство известных маггловских обувных компаний в обязательном порядке выпускает партию для волшебников и особенно волшебниц магической Англии.

— Очень интересно, но какое отношение это имеет к домовикам?

— Дело в том, что совершенно случайно, попав на первую полосу «Ведьмополитена» в качестве моей невесты, Гермиона невольно создала огромный ажиотаж среди волшебниц — подвигла их покупать маггловские туфельки и босоножки и самостоятельно их зачаровывать. Своим примером она показала, что маггловские босоножки гораздо изящнее смотрятся, нежели старомодная обувь от той же госпожи Малкин.

— Кажется, я читала об этом. Разразился большой скандал, ведь производители магической обуви в считанные месяцы оказались на грани банкротства.

— Именно, и вот тогда общество само пришло к тому, что нужно тесно взаимодействовать, без всякого урегулирования со стороны Министерства. Волшебные производители стали тесно сотрудничать с магглами, заказывать, зачаровывать и перепродавать их изделия наравне с собственными, сохраняя марку и авторские права известных дизайнеров. Смешно, но такие понятия как «мода» и «тренд» оказались куда более действенным двигателем, нежели закон.

— Я, кажется, начинаю понимать, к чему именно вы клоните, господин Малфой.

— Насильно вынуждать древние семьи волшебников в обязательном порядке отказываться от вековых традиций, учитывая то, что больше половины домовиков и сами пока не желают становиться свободными, по меньшей мере, глупо.

— Но сделать это «модным»...

— На собственном примере, чтобы другие эльфы могли видеть, как это происходит, и постепенно привыкать к мысли о том, что всегда есть альтернатива найма — вот что разумно и, главное, действительно.

* * *

Разведённая и увлечённая работой в Министерстве, Полумна Лавгуд наконец-то получила

список вопросов для Гермионы на предстоящем интервью.

Она бегло просматривала список, составляя в голове краткий план умело сформулированных ответов на заковыристые вопросы мистера Скитера. Большинство из них были стандартными, некоторые, касались той злосчастной статьи и мужа госпожи министра. Но самый последний вопрос в списке, весьма щекотливый, был очень-очень личным. Луна, тот же час прибежав в кабинет миссис Малфой, улыбнулась её секретарю и наспех пробормотала, что дожждётся Гермиону из Аврората в её кабинете.

Когда спустя двадцать минут Гермиона выходит из камина и видит на своём столе пергамент, ей не составляет большого труда сопоставить его наличие с беспокойством в затуманенных серебристых глазах Лавгуд.

— Насколько всё плохо?

— На «десерт» он спросит тебя о детях...

<http://erolate.com/book/3451/82965>